

— Я чувствую их, — тихо сказала Ходогора. — Впереди появляются растения... Сначала редкие, но чем дальше — тем гуще.

— Ах, — с нарочитым спокойствием ответил Линь, которому пришлось приложить немало усилий, чтобы незаметно подсказывать им нужное направление, — похоже, объявленный закон смерти очистил все растения вне алтаря культа Искращения. Раз тут они всё ещё растут, значит, алтарь впереди — то самое место, где сейчас находится директор Листчес. Нам повезло. Выходит, мы угадали с первой попытки.

— И правда повезло... — Песнелет округлил глаза, ощущая, будто их путь освещён самой волей богов. — Линь, Ходогора, вы наверняка часто выигрываете в лотерею?

— ... — Линь, который никогда ничего не выигрывал.

— ? — Ходогора, которой строгие родители не позволяли даже покупать лотерейные билеты.

Песнелет задумался и не припомнил, чтобы у «Слепого чтеца» была репутация везунчика. Его взгляд остановился на новенькой.

Он подпрыгнул и похлопал Ходогору по плечу:

— Ты очень хороша.

Ходогора, совершенно не понимая, за что её похвалили, только произнесла:

— Я?..

Линь, наблюдавший за этой сценой, едва заметно дёрнул уголком губ, но тут же решил:

«Пусть лучше Песнелет думает, что им везёт из-за Ходогоры, чем узнает, что всё это из-за моего "читерского навыка"».

В его положении лишняя слава и внимание принесли бы только вред.

Они устроились в укрытии: погасили свет и спрятались в своде просторной пещеры. Потолок здесь был высоким, и Песнелет позволил одной из своих механических паукообразных машин зацепиться за свод и повиснуть вниз головой. Четверо инквизиторов приютились на её брюхе, словно в подвешенном к потолку гамаке.

Так, если патруль культистов пройдёт мимо, они смогут переждать, оставаясь незамеченными.

Единственным минусом было то, что на небольшой поверхности брюшка паучихи всем четверым приходилось сидеть вплотную друг к другу.

Маленький ростом Песнелет устроился удобнее всех. Он велел Ходогоре следить за звуками шагов, а сам коснулся серьги-подвески в ухе.

Обычно выглядевшая как простое янтарное украшение, серьга засветилась мягким светом. Пять раз мигнув, артефакт соединился с линией связи, и все четверо услышали из него звук.

Чёткий женский голос спросил:

— Песнелет Алауда?

— Я, — подтвердил он.

— Голосовая проверка совпала. Я — сотрудник коммуникационного подразделения номер 27. С учётом выполняемой вами задачи, соединяю вас напрямую с верховным инквизитором. Ожидайте.

Пиликнул короткий сигнал, и уже через секунду из янтаря зазвучал спокойный, уверенный голос Фельдграу Дуофюра:

— Запрошенное подкрепление отправлено, мистер Песнелет. Есть ли у вас новые сведения?

Хотя Линь давно считал, что вся Инквизиция Шпиневилля слишком уж полагалась на верховного инквизитора, в эту минуту он заметил: не только его спутники выдохнули с облегчением, но и сам он, измученный всё громче нарастающим шумом приборя, ощутил долгожданное спокойствие.

«Не зря его называют голубем мира... В его присутствии всегда становится легче дышать».

— Верховный инквизитор, мы вышли прямо к алтарю культа Искажения, — Песнелет без запинки продиктовал координаты, даже не сверяясь с картой. — Прошу вас передать их подкреплению.

— Хорошо. Я немедленно передам, — ответил Фельдграу. — Окрестности алтаря культа Искажения крайне опасны. Не подходите ближе. Берегите себя.

— Разумеется, ваша честь, — усмехнулся Песнелет. — Мы сюда пришли не умирать, а ловить Листчеса.

— Понимаю, — голос инквизитора стал мягче. — Никто из вас не ранен?

— Я и Кандис в порядке, — привычно ответил за них двоих Песнелет.

— Корневая дриада отхлебнула у меня пару глотков крови, — без колебаний призналась Ходогора, — но всё нормально.

Линь, уже в третий раз отвлечённый нарастающим шумом моря, вовремя спохватился: верховный инквизитор ждал и его ответа.

Он использовал плоть в качестве материала для обряда, но Ходогора уже всё исцелила. Значит, формально он был цел.

— Всё в порядке, — сказал Линь. — Не волнуйтесь.

— Вот и славно, — в голосе Фельдграу послышалась улыбка. — Главное — будьте осторожны.

Только после того, как каждый из отряда по очереди ответил «есть!» (за Кандис снова ответил Песнелет), верховный инквизитор прервал связь.

Сотрудница номер 27 уточнила, что других сообщений нет, произнесла «запишу данный разговор в журнал» и оборвала канал.

Янтарь потускнел. В пещере воцарилась тишина.

Теперь оставалось лишь ждать — молча, без малейших звуков, способных выдать их культистам.

Все затаили дыхание.

Но вскоре Ходогора заёрзала.

Песнелет удержал её за плечо, но она вновь дёрнулась.

— Что такое? — тихо спросил Линь, зная, что Ходогора не была человеком, который не может усидеть на месте.

— Растения... — её голос дрогнул. — Очень медленно, но они словно приближаются к нам.

Воздух в пещере будто застыл.

— Бегом! — тут же скомандовал Песнелет и заставил механическую паучиху спуститься вниз.

До земли было всего три метра, но даже подготовленный Линь приземлился неуклюже.

Его спутники, напротив, соскочили без проблем. Кандис протянула руку, удержав его от падения, а Ходогора подхватила его чемодан и, уже срываясь с места, предложила:

— Может, я тебя понесу?

«И это говорит рыцарь крови, который выступает в авангарде?! А если в критический момент она обратится в поток крови — что тогда станет со мной? Меня бросят прямо посреди тоннеля?»

От этой мысли Линь ощутил холодок в груди. Его чемодан с материалами тоже оказался под угрозой. Пусть Инквизиция и компенсировала бы потери, но всё это ведь стоило денег!

«Нет... сейчас нельзя думать о таком».

Щёлк!

Песнелет включил прожектор на своей механической паучихе.

Он каким-то образом сделал так, чтобы она сложилась в несколько раз — будучи размером с обеденный стол, паучиха превратилась в подобие детской ванночки. Усевшись на её корпус, Песнелет, чьё тело было усилено магией, протянул руку Линю.

Линь ускорил шаг и, ухватившись, вскочил к нему.

— Держись за поручень! — крикнул Песнелет.

«Какой ещё поручень?!» — Линь не успел спросить: паучиха дёрнулась, затряслась, как та самая игрушечная лошадка у входа в супермаркет.

Он успел лишь выкрикнуть «мой чемодан!» — и вцепился в выступ, лишь бы не упасть.

Паучиха рванула, но враги оказались ещё быстрее. Когда отряд бросился наутёк, до этого медленно подкрадывающиеся растения перестали притворяться.

Сидя на задней части паука и светя фонарём, Линь видел, как из пола, стен и свода пещеры потянулись корни — они буквально начали лететь следом. Тонкие острые кончики хлестали по камню, осыпая пыль и щебень, сбивая бегущих инквизиторов с ног; следом появлялись толстые

переплетённые лозы — извиваясь, они складывались в женский силуэт.

— Ах, как миленько, — прохрипела «она».

— Это же не может быть сама Явора Бенгаль?! — в ужасе обливаясь потом и удерживая паучиху на ногах, выдавил Песнетет.

Сидевший к нему спиной Линь поймал чемодан, брошенный Ходогорой, осветил фонарём на лицо женщины из лоз и почти спокойно ответил:

— Она. Вернее, её растительный аватар.

«Да как же так?! Мы ведь ещё даже не ворвались в сам алтарь культа Искращения — откуда тут финальный босс?!» — у всех четверых в голове мелькнула одна и та же мысль.

Линь же подметил другое: верховный инквизитор вчера тоже был на секретном задании и носил алхимический коммуникатор. Секретарь Ловветро тогда намекнул Линю, что инквизитор пропал из связи и для восстановления контакта может понадобится ритуал.

«Значит, культ Искращения умеет глушить связь? Они же никак не могли просто сбить алхимический коммуникатор с уха верховного инквизитора — такое совершенно невозможно. Но если дело не в прямом повреждении самого устройства, то выходит, что культ Искражённых просто блокировал соединение».

Алхимические коммуникаторы и ритуал связи работали на силах склеивания Мастера Адгезии, и блокировать такое склеивание могли лишь его же запечатывание или разрушительная мощь Близнецов Диссонанса.

«Выходит, Листчес помог поставить запечатывающий ритуал? Или, кроме него, был ещё предатель?»

«Может, именно наша недавняя связь по коммуникатору и выдала нас?»

Мысли вихрем пронесли в голове Линя и рассыпались: «Явора Бенгаль» их догоняла. Он прикусил губу, стянул перчатку с левой руки — но кое-кто опередил его.

Ходогора вдруг резко обернулась:

— Я задержу её!

Песнетет, сосредоточенно ведший паучиху по извилистому тоннелю, оглянулся и чуть не свалился вместе с Линем.

— Ты что творишь, дура! — птицелюд не мог поверить своим глазам.

Ему пришлось спрыгнуть на землю, Кандис тоже затормозила. Линь хотел последовать за ними, но паучиха схватил его лапами, не отпуская, а «дура» уже растеклась рекой алой крови.

Ослепительная волна ударила в «Явору Бенгаль», но та лишь усмехнулась, ускорившись.

На её прекрасном лице распустилась улыбка, от которой и посторонний невольно ощутил бы прилив радости. Из её головы свисали плети лозы, и их концы уже окрашивались в тот же оттенок, что и корневища.

По сравнению с «Цветочной рукой», которому требовалось уйма времени и усилий, чтобы вызвать лишь хиленькую корневую дриаду, Явора Бенгаль была куда могущественнее — она тоже являлась пастырем цветов.

Она сумела превратить в дриаду простую лозу растительного монстра.

«Наверное, она когда-то прививала к себе корни уже выращенной корневой дриады?» — предположил Линь. Явора Бенгаль явно имела богатый опыт в том, как бороться с рыцарями крови.

Культистка сладко выдохнула:

— Я действительно... обожаю рыцарей крови!

— Правда? — раздался мужской бас.

Кровавая река вдруг распахнулась шире — куда шире, чем мог бы сделать рыцарь среднего уровня. Из неё вышла высокая мускулистая фигура. У неё были тёмная кожа, кудри, конские уши и черты лица, очень похожие на Ходогору.

Вместо правой ноги у мужчины крепился стальной лезвиеобразный протез.

Заместитель верховного инквизитора Шпиневиля, Кроввирг Арабиан, с хрустом сжал кулак и с яростным криком ударил по «Яворе Бенгаль»:

— Перестань говорить такие извращённые гадости моей дочери, старая ведьма!